

ных процессов создает все многообразие существующих вещей. Однако, знаменитое римское изречение гласит, что *ex nihilo, nihil fit* — из ничего ничего не происходит. В этом, в частности и заключается различие между европейским и античным пониманием первоначала бытия.

1. *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого: Пер. с фр. / Общ. ред. С. К. Цатуровой. — М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 440 с.
2. *Шеллинг Ф. В. Й.* Философия откровения. Т. 1 / Ф. В. Й. Шеллинг. СПб.: Наука, 2000. — 699 с.
3. Эсхатологические мифы // Мифы народов мира : энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Советская энцикл., 1988. Т. 1 : К — Я. С. 670–671.

Н. Ю. МОЧАЛОВА

Кандидат философских наук, доцент

Нижегородская государственная социально-педагогическая академия

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫЙ СТАТУС БЫТИЯ СОКРОВЕННОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

Ценностный горизонт современности стремительно теряет свое содержание и смыслы, в связи с чем возникает необходимость его переосмысления и переоценки. Среди философских концепций, предлагающих свое видение и решение проблемы, наиболее жизненной оказывается феноменология. Феноменологический анализ введенного в статье термина «сокровенный мир человека» дает возможность говорить с одной стороны, о вписанности индивида в реальный мир посредством intersубъективной вовлеченности в сферу Другого, и с другой — о возможности самопрезентации в творчестве. Эти полюса поставляют проблематическое поле для новой эстетики, которая должна «обнимать» как чувственную, так и творческую включенность индивида в жизненный поток. *Ключевые слова:* ценности, сокровенный мир человека, феноменология, новая эстетика, воображение

Объективный ход общественно-исторического развития подвел теоретическую философскую мысль к изучению индивидуального уровня человеческого бытия. Современное состояние философского сознания как своеобразное отражение противоречий бытия и выражение «духа эпохи» характеризуется рядом интересных процессов. В условиях острейшего дефицита высоких жизнеутверждающих смыслов, разрастания экзистенциального вакуума, нагромождения абсурда, скепсиса и цинизма, когда отсутствуют четкие демаркационные линии аксиологического свойства, человеку трудно определиться со своими жизненными предпочтениями.

В этих условиях охрана традиционных и творчество новых жизнеутверждающих экзистенциальных смыслов является важной задачей философии. Ницшеанская «переоценка всех ценностей» вполне может считаться лозунгом и наших дней. В современном обществе, с особой наглядностью это демонстрирует наша страна: речь идет не только о переоценке, но и об утрате ценностей, о развитии недуга аномии — несогласованности ценностного мира, смешения норм и идеалов, законного и незаконного, должного и сущего, нарушение гармонии личного и общественного. Индиви-

дуальность ощущает сегодня нехватку культуры как смыслового мира, в котором каждое поколение решает для себя, как жить, чему следовать, верить, молиться. Это порождает нужду в образно-смысловых, культурно-художественных практиках, которые были бы способны заниматься «проработкой» содержания, основ и границ человеческого осмысленного бытия в новой социокультурной ситуации.

Стремление выйти за кризисные социально-исторические и культурные границы существования провоцирует поиски устойчивых архетипических основ в жизни социального космоса, идеальных моделей индивидуального и общественного поведения.

Исходные основания размышления над этой проблемой связаны с пониманием того, что человеческое Я никогда не завершено, а потребности человека в самоидентификации сосредотачиваются на уровне его духовных самопереживаний, определяющих в конечном счете его реальное фактическое бытие: «... предикаты модальности бытия не могут исходить из объекта; наоборот, как виды полагания они должны возникать в субъективности»[1]. Поиски собственной подлинности, проходящие в непрерывных актах самосозидания, актуализируют **проблему сокровенного мира человека**, коррелирующего цельность и единство его самости. Однако нельзя не признать, что само качество цельности, самоидентичности духовного мира — результат сложной работы самопознания, самоиспытания, самотворчества, которая никогда не бывает завершенной и окончательно конституируемой даже при безграничном «авторском» волеизъявлении.

Сегодня от философии ожидают не то, что она формировала прежде — не теоретическую картину мира как явленную систему суммированных результатов отдельных отраслей знания. Мы ждем от философии четких и непреложных ориентиров и ценностей, способных возвышаться над сиюминутными временными интересами людей. Феномен духовного мира человека является едва ли не самой главной темой философской антропологии. Философское постижение человека, уровней его бытия возможно только через раскрытие предельной сложности, многоуровневости и многозначности его существования, тем более что сама сущность человека не раскрывается в обыденном житейском контексте его бытия.

Отношение индивида, способного к самосознанию и самотворчеству, к философии в поисках оснований общезначимости и общеобязательности ценностей, в обнаружении возможности примирить индивидуальные жизненные ценности с массовыми ценностями внешней социальной жизни в свободном от противоречий единстве — самая насущная философско-культурологическая проблема. Междисциплинарный характер исследования проблематичного сокровенного мира как уровня бытия мира духовного «диктует» применение огромного числа методов и подходов для ее решения.

Теоретически и методологически важно осознать человека не только как субъекта целенаправленной во вне деятельности, но и как уникальное экзистенциальное существо, обладающее самоценным сокровенным миром. «С древних времен в человеке ценилось не то, что явлено, а то, что сокрыто. Он радикально значим именно своей потаенностью, о которой писали не только древние мистики, но и современные философские антропологи», — обозначает проблему «расколотости человеческого бытия» П. С. Гуревич[2].

Каждый субъект выступает носителем своего уникального жизненного пространства, микромира индивидуальных смыслов. Построенный индивидуальностью микрокосм сокровенного выступает системой, где каждое переживание, мысль, грёза — проявление единичности, неустранимости своей самости. Поэтому изначально односторонни любые концепции человеческого бытия, игнорирующие «сокровенное мироотношение» (А. Натев) человека, «сокровенные измерения человеческой идентичности» (Г. Башляр), сводящие творческие проявления человеческого события к функционированию в качестве единицы природного и социального целого.

Каким образом отдельный человек может «ухватить» единичность, единственность, уникальность, самобытность своей индивидуальности? Прикоснуться к сущностным моментам собственного экзистенциального бытия, адекватно описать онтологию смысла субъективной реальности можно только феноменологическим методом. Предмет феноменологии — фундаментальные феномены человеческого бытия: собственное бытие и бытие другого как ценностно-осмысленное бытие, самоидентичность, история и историчность, сознание и самосознание, познание и художественное творчество, вера, надежда, любовь, ненависть, воля, желание, свобода, страх, смерть, совесть...

Феноменологический метод задает важные обертоны изучения наличного бытия, обусловленного дремлющими силами предсуществования на глубинном уровне сокровенного бытия. «Предданность жизненного мира» — главный объект феноменологического анализа. Индивидуальность и проявляет свою специфическую уникальность в создании сокровенного мира, приобретающего сущностные характеристики именно этой индивидуальности.

Содержание сокровенного мира, существуя на уровне особенного, выражает общее в его реальном единичном воплощении. Если рассматривать особенное как реализованное общее, то сокровенный мир — важный момент движения познания вглубь объекта — человека.

Экзистенциальный статус бытия сокровенного мира, порождаемого индивидуальностью, предполагает его рассмотрение как само-становящейся, само-развивающейся, само-обновляющейся системы в пространстве актуальной культуры. Принципиальная незавершенность, процессуальность индивидуального бытия, подкрепляемая принципиальной невозможностью полной самореализации всех сущностных сил индивидуальности, невозможностью «тут-и-теперь» реализовать себя, позволяет представить сокровенный мир как процессуальную бесконечность вариаций и возможностей для саморазвития.

Сокровенный мир — всегда не столько достигнутое состояние, сколько тенденции достижения, перспективы реализации, которые порой субъект осмысленно сводит к нулю. Речь идет о сознательном отказе от репрезентативности сокровенного мира, о желанной латентности, замкнутости от внешнего, чужого, уход в «творчество симулякров» — фантомов сознания, соблазнов, модусов, кажимостей, возможностей, грёз. Такая модель сокровенного мира не имеет никаких референтов, никакой укорененности в социальной реальности, она представлена как мир самореферентных

знаков. В такой ситуации симуляции (смешение реального и воображаемого, подлинного и вымышленного, присутствия и отсутствия) проблема саморефлексии сокровенного мира приобретает онтологическое значение.

Следующей существенной характеристикой бытия сокровенного мира является его само-изоляция от социального, типического, способного подминать самобытное и уникальное. Замкнутость и латентность существования объясняет имманентная потребность сохранить в себе нечто принципиально не обнаружимое, без чего нет индивидуальности. Л. Н. Толстой и В. Розанов видели в потребности уединения сущностное предназначение человека. В дневнике Л. Н. Толстого находим категорическую запись: «Человек сотворен для уединения — уединения не в фактическом отношении, но в моральном. Есть некоторые чувства, которые поверять никому не надо. Будь они прекрасные возвышенные чувства, теряешь во мнении того человека, которому их поверяешь, или даже дашь возможность о них догадываться. Поверяя их, человек не осознает их вполне, а только выражает свои стремления» [3].

Исследование субъективной реальности подвели Д. И. Дубровского к сходной идее: «Субъективная реальность человека — его сокровенные желания, переживания, мысли должны сохранять относительную автономность, закрытость субъективного мира, который он «открывает», «приоткрывает», «прикрывает» для других лишь по своей воле, что и создает возможность обмана. Теоретически всеобщая откровенность исключает обман, но она недостижима» [4]. Обратной и одновременно оправдательной стороной этой «закрытости» является намеренный самообман как некое ложное сообщение человека о себе, о своем внутреннем мире. Человек создает и поддерживает в себе ложные убеждения о собственных качествах, о других людях, о социальных общностях, о разнообразных жизненных событиях с целью поддержания идентичности, самоценности, жизненной интенциональности. По мнению Д. И. Дубровского, самообман есть необходимый атрибут аутокоммуникации подобно тому, как обман одного субъекта другим есть атрибут социальной коммуникации.

Созданный ментальным актом сокровенный мир человека обладает особым экзистенциальным статусом пропозиции: «нечто, одновременно существующее и не существующее». Сокровенный мир является важнейшим фактором сохранения и упорочения самоидентичности человека при отстаивании относительной автономности и закрытости его субъективного мира. Присущая русскому менталитету онтология, в рамках которой опора только на точные знания не приносит желаемого результата, приводит к рождению в качестве альтернативного такой тип ментальных действий для выстраивания внутренней экзистенции индивидуального бытия, который конституирует себя как некий возможный вариант мира. Искусство и становится той творческой сферой, которая позволяет преодолеть ограниченность безликих научных конструкций с их тотальным упрощением сложности человеческого Я. При определенном качестве восприятия этот художественный мир становится для субъекта основным, подавляя, элиминируя реальный. Он является для личности самодостаточной экзистенциальной ценностью, ее подлинным, длящимся вне контекста реального времени существованием, со своим уникальным смысловым полем, самотождественным по отношению к личному Я и своей самости.

Принципиально важной задачей для автора было представить сокровенный мир как подвижный феномен, уклоняющийся от всякой концептуализации, и попытаться «ухватить» его в пространстве феноменологической интерпретации напряженного и противоречивого единства личностно отбираемых ценностных пристрастий. Берем-ся определить, что основными атрибутами экзистенциального сокровенного мира, выражающего внутренний индивидуальный опыт бытийствования человека, являются: уникальность, подлинность, самость, самоидентичность. Сошлемся в своем понимании трудности самоидентификации на уровне индивидуальности на позицию Г.Башляра: «Нам не кажется, что индивид может быть определен так же четко, как это делается в схоластической философии. Мы не должны говорить ни о единстве, ни о самоидентичности Я вне синтеза, осуществленного мгновением. ... Индивид, на каком бы уровне мы его ни взяли — на уровне материи, жизни или мысли, — представляет собой в достаточной степени варьируемую сумму не учитываемых привычек. В сущности индивид — не что иное, как сумма случайных проявлений: и даже более того, сама эта сумма случайна. Точно так же самоидентичность живого существа никогда в полной мере не может быть реализована, она терпит ущерб, поскольку богатство привычек не может быть управляемо с достаточным вниманием. Глобальная идентичность в таком случае является результатом более или менее точных повторов, более или менее детальных отражений» [5].

В экзистенциальной версии творчество может предстать в качестве внутреннего опыта бытийствования не только с сохранением самости, индивидуальности, подлинности собственного присутствия конкретного человека в мире, но, что более важно, — с приращением смысла этого присутствия. Происходит творческая эволюция самой экзистенции, то есть проживание, переживание, осмысление жизненных потоков, в которые вовлечен человек, причем не только реальных, но и воображаемых, иллюзорных, виртуальных, что способствует значимому событийствованию разных существ своей самости — существ равноправных — и так образующих феномен мультивидуума [6]. Это означает, что не только внешняя коммуникация с Другим на позитивной основе оптимизирует экзистенциальную ситуацию в-мире-бытия, но скорее внутреннее неролевое свержение существ — персонификаций разных культур внутри себя — и создает феномен подлинной внутренней жизни.

Сокровенный мир как множественное «свое-другое» и оказывается носителем потенциальных смыслов жизни, а внутреннее экзистенциальное существование — смыслопотоком, творческим процессом возникновения и умножения внутренних творческих импульсов обновления. Сокровенный внутренний мир человека пытается отозваться на экзистенциальную тревогу, метафизическую неустойчивость бытия «построением актуальных программ смыслогенеза» (А. А. Грякалов). Структурно он включает в собственное содержание неповторимость переживания, экзистенциальную автохтонность стремления, уникальность смыслов, требующих бесконечное количество воплощений. Любой акт идентификации предусмотрен для устранения зазора между внутренним и внешним, своим и чужим, экзистенциальным и символическим. А с другой стороны, сам процесс идентификации и возможен только потому, что существует эта дифференциация внешнего и внутреннего, реального и символического.

ческого (ибо любая форма внешней идентификации включает в себя символическое измерение, искусство же — прежде всего). В искусстве человек желает и находит необходимый ему образ превышающей ценности, до которой он желает дотянуться. Какой быть по форме этой идентификации осознанно или нет решает сам человек, — новая форма своей идентичности может быть и корректирующей, и замещающей (отчуждающей), и иллюзорной, и эгоцентричной. Любой новый процесс «собира-ния себя», новая форма идентичности определяется дистанцированием, желанием заштриховать(сократить) или четче обозначить (расширить) пространство между реальным Я и мыслимым, воображаемым Я.

И хотя сведение полноты содержания к настоящему воплощению (каким бы цель-ным оно не воспринималось человеком в актуальном моменте настоящего), всегда неполно, мы все же считаем правомерным утверждение того, что категория «сокро-венного мира» фиксирует целостность жизненного мира, соединяя имманентно пре-ходящее с актуальным. «Позиции и контексты могут быть различными, — пишет А. А. Грякалов, — и все-таки речь идет о их закономерной идентичности, выража-емой индивидуальной самостью. Через субъективное определение непрерывности констант, универсалий, устойчивых повторов, значимых удержаний выстраивается жизненный мир, значимый для стратегий идентификаций» [7]. Эстетическая компо-нента воплощения жизненных устремлений очень важна, ибо жизнь, по выражению Ф. Ницше, может быть оправдана лишь как эстетический феномен. Получаемый эсте-тический опыт, справедливо заметить, понуждает необходимостью творчества само-го событийного жизненного мира. Эстетический опыт доводит философствование до предела чувственно-телесного интуирования и дает возможность предстать другим для себя самого. Современная новая эстетика пытается снять ограничения, наложен-ные на нее классической философией: «эстетика должна выйти за рамки субъект-объ-ектной парадигмы мышления, заданной теоретико-познавательной и деятельностной ориентацией новоевропейского разума, и рассматривать эстетическое как *событие, как целостный феномен, ... герменевтическую данность эстетического*» [8, С. 9]. «Эс-тетика должна переориентироваться на аналитику чувственных данностей, в которых субъективные и объективные «моменты» не исходны, но выделяются на втором шаге, шаге рефлексии над эстетической ситуацией. Необходимо все время удерживать в поле зрения непосредственность чувства и то, что в этой непосредственности даны чувствующий и чувствуемое. Тогда эстетическое предстанет как *особенное* в чув-ственно данном, а эстетика — как область онтологии, как *философский логос чув-ственных данностей Другого*», — определяет новый импульс эстетической мысли С. А. Лишаев [8, С. 10]. Предназначение эстетического в том, чтобы создавать ма-гию осваивающего мир переживания, избирательно принимаемого субъектом. Важно обозначить и тот факт, что эстетическое никогда не сводимо к ценностям конкретной культуры. Самоценность эстетизиса не в том, что он как конкретное событие является частью актуальной культуры, а в том, что он сохраняет аксиологическую осмыслен-ность бытия в капсуле времени, но без герметичной ограниченности.

На глубинном сокровенном уровне экзистенциальные способности — это воз-можность создания личностно-значимых смыслов, уникальное позиционирование,

особое вопрошание о смыслах жизни, создание собственных концептов, личных сценариев бытия. Именно таким способом оправдывается и обосновывается личностный смысл человеческого бытия как смысл всеобщий. Важность же изучения сокровенного мира в социальном и индивидуальном плане трудно переоценить.

1. *Кант И.* Критика чистого разума // Собр. соч.: В 8т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 374.
2. *Гуревич П.* Расколотовость человеческого бытия. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2009. С. 3.
3. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. В 20-ти тт. М.: Художественная литература, 1965. Т. 19. С. 66; *Розанов В. В.* Уединенное; опавшие листья. М.: Мир книги, Лит-ра, 2006. С. 576.
4. *Дубровский Л. И.* Обман. Философско-психологический анализ. М., 1994. С. 34.
5. *Башиляр Гастон.* Избранное: Поэтика грезы; пер. с фр. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 225.
6. *Орлов Б. В.* Экзистенциальные основы феномена мультикультурия // Мультикультурная современность: Урал — Россия — Мир: Материалы XII всероссийской научно-практической конференции гуманитарного ун-та. В 2 т. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. С. 66.
7. *Грякалов А. А.* Письмо и событие. Эстетическая топография современности. СПб.: Наука, 2004. С. 6.
8. *Лишаев С. А.* Эстетика Другого. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 9, 10.

С. Б. НИКОНОВА

Кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

СЦЕНАРИИ ЭСТЕТИЗАЦИИ ПРИРОДЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ*

В статье описываются эстетические основания отношения к природе в разных мировоззренческих традициях. Эстетизация состоит в стремлении включить природный мир в собственное воображение человека, сделать его понятным, избавиться от вызывающей страх чуждости. Апофеоза это отношение к природе достигает в новоевропейской культуре. Показывается, что именно в современном мире возможно проявление принципиально нового подхода к природе. *Ключевые слова:* эстетика, эстетизация, природа, экологическая эстетика

В XVIII в. эстетика возникла как самостоятельная философская дисциплина, направленная на определение особого рода суждений: суждений о чувственно воспринимаемом мире. Пользуясь кантовским делением — а именно И. Кант в своей философской системе с особой четкостью определяет место эстетического суждения среди других познавательных способностей — этот мир можно назвать миром *природы*. Этот мир составляет, в первую очередь, предмет познания, осуществляемого рассудком и описываемого Кантом в «Критике чистого разума». Именно чувственно воспринимаемый мир есть единственный предмет объективного познания, а таким